

Социально-экономическое развитие

И. А. Новиков

Артель как социокультурный феномен дореволюционной России (к проблеме определения границ применимости термина «артель» для исследования традиций коллективного труда второй половины XIX – начала XX века).

Несмотря на обширность отечественной литературы по истории рабочего класса и традиций коллективного труда, нельзя признать эту тему исчерпанной, между тем в настоящее время она представлена крайне скудно. До сих пор не изученным остается «основной элемент, организовывавший труд и быт рабочих дореволюционной России, – артели»¹. Думается, что не в последнюю очередь это связано с весьма расплывчатым пониманием самого термина «артель». Рассмотрение артельного сюжета зачастую строится по позитивистским, описательным лекалам, когда простое присутствие в названии объединения слова «артель» считается самым фактом существования именно артельного союза, и вследствие некритического сбора фактического материала изучается скорее то, что *принято называть артелью*. Отсюда путаница, когда используемый термин «артель» никак не определяется и употребляется в качестве синонима, отождествляясь с семьёй, общиной, кустарной мастерской, с кооперативом или колхозом, что красноречиво свидетельствует о степени понятиости артельной традиции.

Почти двухвековая история её отечественного изучения представлена попытками учесть те или иные характерные только для артельного союза черты. Однако единства в этом не наблюдается до сих пор: предлагаемые критерии артельности зачастую неполны, противоречивы и применимы лишь к одному из видов этого хозяйственного объединения или к артелям определённой эпохи, а также неоправданно широки, что позволяет увидеть артель даже там, где её в действительности не было. В большинстве случаев имеет место простое использование слова в условно «народной» трактовке, где под артелью понимается **коллектив, в который объединяются люди для достижения общей цели**. Понятно, что на таком уровне об историческом исследовании артельных союзов говорить просто нелепо, и такая «артель» выглядит органично не в научной исторической работе, а в публицистике или художественной литературе, ведь такое самое общее определение практически ничего не даёт для понимания сущности артели. Мы уже анализировали многообразие трактовок и противоречивость понимания артели в отечественном законодательстве и литературе, а также ставили проблему корректного употребления

---

¹ Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 7.

этого термина в исторических исследованиях¹. Настоящая статья призвана продолжить конкретизацию артельной проблематики и продемонстрировать предварительные итоги нашего исследования этого вопроса. Представляется, что изучению отдельных элементов артельной традиции в различных сферах жизнедеятельности и их эволюции в тех или иных конкретно-исторических эпохах должно предшествовать уяснение общего представления о сути артели как социокультурного феномена. Поэтому сейчас нас интересует, так сказать, типический случай, *«идеальный», собирательный образ артели*, аккумулирующий в себе все существенные для этой формы самоорганизации моменты.

Само происхождение слова «артель» до сих пор не достаточно ясно. Несмотря на давнее существование слова в языке, в отечественных письменных источниках оно впервые появляется лишь во второй половине XVII в., а первое определение артели было дано только в Уставе цехов (12 ноября 1799 г.): **общество работников, по добровольному между собою условию и на началах круговой поруки составленное, для отправления служб и работ, силами одного человека несоразмерных**². Будучи позднее включённым в Устав Торговый, оно, по сути, оставалось неизменным вплоть до начала XX в.³

Уже это первое единое определение артели было «неудачным». Во-первых, оно касалось собственно только одного из видов артелей, а во-вторых, общий взгляд законодателя на артели с позиции «пользователей» их услугами (когда освещались прежде всего отношения артели с работодателем и властями, а не внутренние основы артельного союза) предопределил его «поверхностность» и акцент на внешней описательности. Несоответствие законодательной «модели» артели её прототипу в реальной жизни явственно проявлялось при изучении народных юридических обычаев. Не случайно, когда позже стали кодифицироваться артельные отношения в иных областях народного хозяйства, использовалось другое и *наиболее общее* определение артели, также присутствовавшее в русском писаном законе в Положении о найме на сельские работы (12 июня 1886 г.): **«совокупность лиц, вошедших в соглашение между**

---

¹ Новиков И. А. «Артель»: этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. № 327. С. 83–85; *Он же*. Артель в России во второй половине XIX – XX в. К вопросу об определении термина // Вест. Томск. гос. ун-та. История. 2009. № 4 (8). С. 147–161; *Он же*. Простое «объединение нескольких»? (К проблеме определения границ применимости термина «артель» для исследования традиций коллективного труда) // VI Чтения, посвящ. памяти Р. Л. Яворского (1925–1995): Материалы междунар. науч. конф. Новокузнецк, 2010. С. 212–221.

² Устав Цехов 12 ноября 1799 г. [№ 19187] (Гл. XIV, ч. 1, §1) // Полное Собрание Законов Российской империи [везде далее – ПСЗРИ]. Собр. 1-е. Т. XXV. СПб., 1830.

³ Устав Торговый (Кн. I. Раздел II. Гл. 5. Ст. 89–91 [до изд. 1903 г.], ст. 79–81 [после изд. 1903 г.]) // Свод Законов Российской империи [везде далее – СЗРИ]. Т. XI. Ч. II. (изд. 1886, 1893, 1903, 1906).

собою о совместной работе с круговым друг за друга ручательством»¹. Оно отличалось от «народного» понимания артели, по сути, лишь «административным» указанием на круговую поруку, и, несмотря на всё дальнейшее законодательство, это определение артели *вообще* (а именно в этом смысле на него и делались ссылки) сохранялось вплоть до 1917 г.

Положение об артелях трудовых 1 июня 1902 г. должно было завершить продолжавшуюся с 80-х гг. XIX в. работу по сведению всех разрозненных узаконений об артелях в одно. Но само название документа показывает, что речь там шла только о *трудовых* артелях, бытовой стороны союза законодательство никогда не касалось. Более того, закон 1902 г., описывая лишь один вид артельных объединений без связи с общим представлением об артели, в некотором смысле не столько прояснил саму суть артели вообще, сколько даже несколько запутал её понимание. Ориентируясь на современность, он определял артель уже на излёте её исторического существования в новых социально-экономических условиях, а потому предлагал существенно деформированную модель когда-то народного хозяйственного союза аграрной стадии развития общества: **«товарищество, образовавшееся для производства определённых работ или промыслов, а также для отправления служб и должностей личным трудом участников, за общий их счёт и круговую их порукою»**².

В спонтанный народный союз вносились в определённом смысле чуждые ему элементы. Все артели отныне были разделены на договорные и уставные, получившие права юридического лица, а в дополнение к Положению 30 сентября 1904 г. (по ст. ст.) был даже утверждён образцовый устав трудовой артели³. Понимая под артелью товарищество либо для совместного найма, либо для совместного промысла, в последнем случае артель, по сути, очень сближалась с отдельным предприятием, а такую, по формальному закону, «артель» становилось уже трудно отличить, например, от того же производственного кооператива. Впрочем, производственные отношения всех других («договорных») артелей, и главное – внутреннее устройство артели вообще, – по-прежнему, регулировалось нормами обычного права. В законодательстве лишь указывалось на непосредственный личный труд всех членов артели, и традиционно настойчиво утверждался принцип круговой поруки. Отмечая эти формальные новшества, ни один исследователь не указал здесь на следующий существенный момент: в новые общероссийские нормы не была включена отмеченная ещё в Уставе цехов и Уставе Торговом **другая важная составляющая артельности – добровольность объединения!**

---

¹ *Положение* о найме на сельские работы (12 июня 1886 г.) [№ 3803] Ст. 7. Примечание // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. VI. СПб., 1888. С. 294; *Положение* о найме на сельские работы (примечание к статье 7) // СЗРИ. Т. XII. Ч. 2. (изд. 1893, 1906).

² *Положение* об артелях трудовых 1 июня 1902 г. [№ 21550] Ст. 1 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XXII. Отд. 1. СПб., 1904.

³ *Собрание* узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. СПб., 1904. Отдел второй. Второе полугодие. № 49 (3 декабря 1904 г.). Ст. 655.

Дореволюционное законодательство так и не выработало стройного понимания артели в целом. Некоторые принципиальные для существа артели положения, без которых её невозможно представить, даже не были учтены. Господство начала равенства во внутренней жизни артели и указание на инициативу самих участников для создания союза, то есть самостоятельность (добровольность) артели – всё это, по-прежнему, лежало в области обычного права и многовековой народной трудовой практики, поэтому и любое законодательное определение артели не даёт полного представления о существовании этого явления народной жизни.

Почти одновременно с правительственными попытками определить артель шло и общественное осмысление феномена артели, для которого также характерны фрагментарность предлагаемых трактовок. Показательна продемонстрированная нами роспись определений артели в словарно-энциклопедической литературе, традиционно представляющей обобщённое и на тот момент общепринятое знание о том или ином вопросе¹. Зачастую даже в границах одного десятилетия встречаются отличные друг от друга трактовки артели, которые в совокупности сливаются в совершенно путаное описание, сосредотачивающееся от случая к случаю на тех или иных сторонах артельного союза, где за основу берётся какой-то отдельный вид артельных союзов, а не явление в целом. Кроме того, после законодательных перемен начала XX в., сделавших рамки термина «артель» *необоснованно широкими*, отдельные элементы артельности стали постепенно исчезать из общего определения артели. Вслед за обозначенной в раннем законодательстве как основание артельной самоорганизации добровольностью объединения следующим шагом было выпадение указаний на равноправность членов союза и круговое их друг за друга ручательство. И это на фоне того, что принцип круговой поруки акцентировался всем законодательством об артелях!

В этом ряду обобщающим стоит единственное специализированное исследование артелей в России А. А. Исаева, которому больше других удалось учесть всё многообразие этих объединений и дать следующее определение артели: «**основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукой и участвующих, при ведении промысла, трудом или трудом и капиталом**»². Важно отметить, что эта работа 1881 г. исследовала артели в России до дальнейших законодательных перемен, а главное – до бурного развития капиталистических отношений конца XIX – начала XX в., существенно изменивших социально-экономическое и культурное поле страны, пребывание в котором высветило принципиальные и внешние / второстепенные признаки артельности, ранее не столь заметные. Кроме того, последующий рост кооперативного движения также запутал ситуацию с определением артельной специфики на фоне различных форм хозяйствования.

¹ Новиков И. А. Артель в России во второй половине XIX – XX в. ... С. 147–151.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 21.

Между тем единственное в своём роде исследование А. А. Исаева в отечественной историографии не получило своего развития. Поэтому сейчас для более чёткого разграничения артельных и иных объединений необходимо ясно обозначить некоторые весьма спорные случаи употребления термина «артель» в отечественной литературе.

Здесь, безусловно, главенствует взгляд на артель как организационный элемент именно *трудовой* (промысловой) деятельности. Конечно, отмечались и проявления артельности в сфере быта, но исследование именно этой стороны артели почти всегда ограничивается простым указанием на её наличие и рассмотрением её вне связи с общим определением артели как самоорганизованного хозяйственного союза. А без учёта этого момента крайне затруднено как собственно понимание артели, так и критическое восприятие сообщений об артелях в источниках. Более того, часто любая организация быта на коллективных началах заведомо расценивается как артель, при этом название переносится и на трудовой коллектив, даже если он сам устроен вовсе не на началах артельности, тем самым существенно искажается реальная картина прошлого.

Довольно распространено и смешение артели с коллективами, покоящимися на совершенно иных основаниях, и принятие различных «административных», «принудительных» объединений (как бытовых, так и трудовых) за артельный союз. В таких случаях обычно говорится о «партии» или «команде», которые действительно в самом общем смысле («объединение нескольких») вполне соответствуют расхожему представлению об артели. Однако в очередной раз следует признать, что для серьёзного исторического анализа оно неприемлемо, а основанием для разграничения здесь должен являться обыкновенно не учитываемый **критерий свободного или несвободного объединения**, имевший одно из решающих значений для самосознания артельного работника.

Другим распространённым изъяном отечественной литературы является отождествление лишь некоторых из элементов «артели» с реально существующим артельным союзом. Речь, в частности, идёт о структурах, которые выполняли организационно-регулирующие функции артели – «артельный староста» и «артельная расправа» в сибирской золотопромышленности. Этот момент важен ещё и потому, что во встречаемых в источниках упоминаниях об артелях часто речь идёт не столько о самом самоорганизованном сообществе, сколько о его представителях. Есть определённые сомнения в оправданности их отождествления, да и сама проблема существования артельной формы самоорганизации на капиталистически устроенном предприятии при внимании к деталям весьма осложняется.

Показательна эволюция лексики законодательства: эпитет «артельные», употребляемый в Положении о золотопромышленности 1838 г.¹, с 1870 г. и до самой

---

¹ См.: *Положение* о частной золотопромышленности на казённых землях в Сибири (30 апреля 1838 г.) [№ 11188] Ст. 50–56 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XIII. Отд. 1. СПб., 1839. С. 400; а также: *Устав Горный*. Кн. IV. Гл. 6. Отд. 1. IV. Ст. 2500–2502 // СЗРИ. СПб., 1857. Т. VII.

отмены расправ в 1895 г. был заменён на «партионные» (к тому же касался только рабочих, лишённых прав состояния!)¹. Думается, это не случайность: законодатель старался учесть реальное положение дел в отрасли и «очистить» официальные документы от неточностей и архаизмов. Само же описание «партионной расправы» скорее напоминает законодательную регламентацию судебного-надзорных функций у должностных лиц *крестьянских обществ* с возможностью апелляции в вышестоящую инстанцию, чем внутреннюю дисциплину самоорганизованных артелей. Отсюда и совершенно чуждые артельной традиции вещи – такие, как назначаемый промышленником староста, обременённый к тому же рядом совершенно несвойственных руководителю артели административно-полицейских обязанностей и даже по деловой приисковой документации проходивший по разряду служащих, а не рабочих. Само утверждение «артельных расправ» как низового органа надзора и сохранения порядка в рабочих коллективах выглядит довольно странным для *самоорганизованных* трудовых коллективов. Скорее его санкционирование имело смысл для рабочих отрядов, составленных уже «на месте».

С существованием именно артельной организации труда традиционно увязываются «старательские работы», но даже до 1861 г. они были артельными, общими и одиночными, так что признавать всех старающихся на приисках заведомо работающими артелями в корне неверно. С учётом же эволюции форм организации старательских работ, т. е. с заменой вольных старательских работ обязательными в Сибири в 50–60-х гг. XIX в., говорить об артелях нужно очень осторожно. Так, например, после 1853 г. старания «на золоте» и по закону («для прекращения хищничества золота») должны были производиться «артелями», но практика и отмечаемое исследователями развитие форм организации этих работ свидетельствуют о том, что закон, лишь облегчал переход от одиночных к общим работам. Вообще *главный акцент и смысл устройства так называемых «артелей» сводился к указанию на применение коллективных работ вместо запрещаемых одиночных* (так как их было трудно контролировать), а никак не на специфическую организацию рабочего коллектива, при этом исходящая со стороны работодателя инициатива в таких обязательных объединениях сводит на нет разговор об их артельности. Единичные голоса современников, видевших несоответствие названия и сути таких рабочих коллективов, тонули в порочной традиции некритического словотворчества, ничего общего, не имеющего с **собственно артелями «в смысле не случайно вписанных в один договор нескольких человек, а в смысле**

---

¹ См.: *Правила о найме рабочих на Сибирские золотые промыслы* (24 мая (5 июня) 1870 г.) [№ 48400] Ст. 10–12 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 1. СПб., 1874. С. 689 (2 стб.) – 690 (1 стб.); а также: *Устав о частной золотопромышленности* (Приложение к ст. 110. прим. 2 – *Правила о найме рабочих на Сибирские золотые промыслы*. Ст. 10–12) // СЗРИ. СПб., 1886. Т. VII; *Устав Горный*. Кн. I. Разд. II. Гл. 6. Отд. 2. Ст. 672–674 // СЗРИ. СПб., 1893. Т. VII.

живого целого тела»¹. Развивавшийся с 1860-х гг. параллельно с этим процесс измельчения промысла и привлечения труда старателей-золотничников, работающих на иных основаниях, нежели другие работники, также далеко не однозначен. Нет никакой прямой связи между золотничным способом разработок и артельным устройством таких работ. Оно и понятно, ибо название «золотничник» указывает не на способ организации труда, а на способ его оплаты.

В силу уже сложившейся традиции артельная проблематика прочно увязывается с кооперативным движением. Как справедливо заметил В. П. Зиновьев, в рамках кооперативного строительства «Любая производительная кооперация **называлась** (выделено нами – *И.Н.*) артелью»², а главное – *артелями назывались какие-то искусственные объединения, лишь отдалённо напоминающие народные союзы*. Ситуация ещё более усугубилась, когда к «путанице» проблемы «кооператив / артель» добавилась советская «кооперативно-артельная» риторика в её колхозном «изводе». Последовательный подход требует разделения артели и кооператива, являвшихся разными вещами и в теории, и на практике. Нужно ясно понимать, что артель – это не капиталистическое предприятие, поэтому едва ли оправданно отождествление артели и производственного объединения новой социально-экономической эпохи. А насколько кооператив соотносится с артелью как явлением традиционного жизненного уклада, – проблема, совершенно не разработанная в отечественной исторической литературе. Лишь самые последние исследования показывают, что кооператив и иные хозяйственные объединения некорректно рассматривать как монолит³. Однако в связке «артель / община / кооператив» их внимание сосредотачивается только на последней паре понятий, и в предпринимаемых попытках развести «старые» и «новые» объединения в рамках «общинно-артельного» потока объединяются разные по своей природе элементы. Впрочем, последнее даже показательно, так как здесь связываются воедино явления общества традиционного в противоположность кооперативу, как явлению другого исторического периода. И если уже справедливо отмечается принципиальное различие двух его пластов («община-артель» и «новая кооперация»), то, очевидно, следует продолжить предпринимаемое структурирование, выключив из него собственно артельные организации.

¹ *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. С. 175.

² *Зиновьев В. П.* Традиции артельного труда в Сибири в XIX – начале XX в. // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. М., 1993. С. 243.

³ *Николаев А. А.* Два уровня развития кооперативного движения в России и исторический выбор большевизма // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 25–27; *Он же.* Роль маслодельной кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сб. материалов конф. Новосибирск, 2003. URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/modern/025.html>; *Он же.* О взаимодействии сельских крестьянских общин и кооперации в начале XX века // Прошлое Западной Сибири: дискуссионные проблемы, итоги, перспективы изучения: Материалы науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения С. В. Бахрушина (Нижевартовск, 30 октября 2007 г.). Нижевартовск, 2007. С. 126–134; и др. его работы.

Как и кооперативные предприятия, общинное маслоделие крестьянского мира, *получившее название артельного*, имеет слишком мало общего с собственно артельной трудовой самоорганизацией, а эпитет «артельное» здесь употребляется «по традиции», будучи некорректно использован уже с самого начала кооперативного движения в России. Вообще фигурирование термина «артель» в кооперативной риторике до боли напоминает практику его же употребления в отечественной историографии (отсутствие общепринятого определения и ясных критериев для вычленения его из массы в разной степени сходных явлений). При этом наблюдается похожая ситуация, что и с рядом других дискуссионных терминов¹. А ведь **специально проблема чёткого разведения артели / кооперации / общины / семьи до сих пор практически и не поставлена**. Смешение же разнородных явлений существенно искажает реальную картину хозяйственной жизни на местах, поэтому несомненным шагом вперёд является любая попытка прояснить этот момент.

Например, представляется спорным вопрос о существовании артельной формы самоорганизации конкретно в сельскохозяйственных (деревенских) работах, на который вслед за народниками и кооператорами принято отвечать утвердительно. При этом в качестве примеров почти всегда приводятся те или иные формы крестьянской взаимопомощи (помочи, супруги и т. п.), но упускается из виду, что **всё это действовало в рамках именно общинного, мирского хозяйственного цикла**. А здесь нужно иметь в виду одну существенную особенность труда, организованного в рамках семьи и общины: его *обязательность* для рядового участника: там, где вхождение в коллектив определяется не свободным договорным соглашением, а фактом рождения, принуждением или иными независимыми от члена объединения обстоятельствами, говорить об артели не приходится. Артельный труд – всегда вольнонаёмный, а не принудительный.

Когда речь идёт о производственных, промысловых артелях, то зачастую имеются в виду объединения именно *кустарей* (кустарно-промысловая кооперация). Однако кустарничество как *семейная форма* производства аналогично общине является явлением чуждым артельному началу. Говорить о кустарничестве применительно к артелям не уместно ещё и потому, что кустарная мастерская – так или иначе – объединение постоянное, нацеленное на планомерный труд, работа на рынок, тогда как артель – принципиально временное объединение. Последнее, по идее, должно связывать артель именно с сезонными крестьян-

---

¹ Новосёлова А. А. Кто такие старожилы? (Истолкование термина в современной этнографии) // Русские старожилы. Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С. 89–90; Волгин А. [Плеханов Г. В.] Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.). СПб., 1896. С. 198–200; Ленин В. И. Развитие капитализма в России: процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е. Изд. М., 1958. Т. 3. С. 468, 448–452 (особенно 451); Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. С. 11–12.

скими отхожими промыслами. В данном случае почти принципиально, что речь идёт именно об отхожих, а не местных промыслах: работник, в отхожем промысле трудящийся в составе артели, как хозяйственной самоорганизации традиционного общества, не был классическим пролетарием, так как за спиной у него всегда было своё личное семейное хозяйство. Объединение для работы или быта на время разрыва прямой связи со своей семьёй / общиной – это не «индивидуализм» буржуазной эпохи, а самостоятельное и добровольное принятие человеком аграрного общества условий совместного хозяйствования, в ситуации выхода из-под предопределённости форм организации труда и быта.

В России конца XIX – начала XX в. в переходный период модернизации артель существовала параллельно с попытками утвердить новый тип хозяйственного объединения (кооператив и хозяйства фермерского типа). Многоукладность российской экономики, в своё время отмеченная В. И. Лениным, создавала определённые сложности для исследователей, чем, наверное, отчасти и объясняется нередкое смешение относящихся к разным стадиям социально-экономической эволюции явлений: артели и кооператива. Неправомерность их отождествления ещё раз становится ясной, если обратиться к области менталитета. Сейчас в литературе при разведении буржуазных и традиционных трудовых отношений говорится о принципиально разной трудовой этике¹. Артель, исторически была порождением общинного уклада в рамках общества доиндустриального, потому и все производственные отношения строились здесь в соответствии с традиционной крестьянской трудовой моралью. Именно поэтому хозяйственные объединения нового типа, навязываемые крестьянам в пореформенное время и *называемые также артелью*, и были нежизнеспособны. Представляется, что стирание границ между различными проявлениями традиции «коллективизма», вообще присущей человечеству, некорректно, так как для более позднего времени принцип «объединения нескольких» этимологически связан уже с кооперативным движением «буржуазного индивидуализма», нежели с коллективистскими традициями общин.

Конечно, в процессе изменения социально-экономических условий, развития капиталистических отношений в экономике и при переходе от традиционного общества к индустриальному, питательная среда артелей сужалась. Со временем менялись и традиционные крестьянские представления о труде, а вслед за развитием модернизационных процессов менялась и постепенно вырождалась сама артельная форма труда. Но нас не должны путать случаи «искусственного» употребления слова «артель» из желания обозначить «традиционный» вектор своих устремлений и придать своеобразный «оттенок старины» новейшим объединениям. С изменением всего хозяйственного уклада и менталитета работников, артельная форма союза должна была терять свои отличительные черты, постепенно трансформируясь в обычный коллективный наём подрядчиком группы пролетариев и простую рабочую смену на производстве индустриальных тружеников, однако

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 332–349; Там же. Т. 2. С. 305–317.

они основывались уже на совершенно иных основаниях, нежели артельные товарищества аграрной эпохи.

Представляется, что наиболее полное и точное определение артели, данное в своё время А. А. Исаевым, нуждается в существенной поправке: таким же важным элементом артельной самоорганизации является инициатива самих участников для создания союза, то есть самостоятельность (добровольность) артели. А. А. Исаев не считал этот момент принципиальным, на наш же взгляд, как раз здесь и проходит «водораздел» между артелью как явлением народной жизни и артелью как конструкцией, созданной законодательством, и словом, употребляемым в литературе для обозначения самых разных общественных объединений. Иными словами, **артель в идеальном смысле есть характерный для доиндустриального (аграрного) этапа развития человеческого общества самостоятельно учреждённый, основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукой и участвующих при ведении промысла трудом или трудом и капиталом. Такой коллектив чаще всего был неформальным и создавался как непродолжительное по времени объединение (в известном смысле случайная, спонтанная (порой вообще разовая) форма хозяйственного сотрудничества людей).**

За скобками сознательно оставлено указание, на то, что это объединение непривилегированных слоёв общества. Связь артельного труда с традиционной трудовой этикой и крестьянским менталитетом, кажется, очевидной. Вероятно, именно по этому признаку проходит и «водораздел» между артелью и кооперативом как принципиально бессловным объединением. Несмотря на органическую связь с первичными формами кооперации (в широком смысле этого слова), свойственными докапиталистическим отношениям производства, артель как форма хозяйственной самоорганизации, тем не менее, достаточно чётко выделяется среди иных хозяйственных союзов. От общины, семьи, кустарной мастерской, тюремных, солдатских и иных «принудительных» сообществ её отличает добровольное и договорное начало объединения. А будучи порождением аграрной стадии социально-экономической эволюции и соответствующих ей норм традиционной трудовой этики, артель принципиально отличается от кооператива (как явления капиталистической эпохи с буржуазной этикой труда), являясь лишь одной из исторических форм организации коллективного труда в рамках традиционного общества.

Предложенная трактовка феномена артели и обозначенные границы применимости этого термина для исторических исследований, конечно, являются дискуссионными. Уточнения научного сообщества помогут составить общее взвешенное его понимание, позволив тем самым начать его углубленное изучение и яснее осветить ещё один неразработанный и лишь поверхностно-публицистически описанный сюжет отечественной истории.